

КИНОПРОЦЕСС

Сегодня в Доме кино — премьера фильма “Чеховские мотивы” Киры Муратовой. Кира Георгиевна, давно уже ставшая классиком при жизни, обладает к тому же редкой для режиссера мирового уровня работоспособностью — за последние два года она выпустила две картины. Но если первая лента — “Второстепенные люди” — была принята с традиционным восторгом, то вторая — “Чеховские мотивы” — вызвала в среде кинокритиков неоднозначную реакцию.

ВЕНЧАНИЕ ON LINE

Кира МУРАТОВА:
“Мне жалко
Михалкова”

ОЛЬГА УРВАНЦЕВА

Кстати, на первый показ ее последнего фильма — в конкурсе XXIV МКФ — пришли не только журналисты, но и много обычных зрителей — поклонников ее творчества. Причем все выходили из зала с недоумением: новая черно-белая картина Муратовой — это возвращение к своим ранним работам или повторение пройденного?

С Киры Муратовой, которая весьма редко и крайне неохотно дает интервью, корр. “МК” встретился в Петербурге на недавно закончившемся фестивале “Дебошир-фильм”, куда она привезла свою небольшую ретроспективу, состоящую из трех картин — “Познавая белый свет”, “Перемена участи” и “Чеховские мотивы”.

— У каждого фильма своя судьба. Есть фильмы более успешные, есть менее. “Чеховские мотивы” на МКФ прокатили...

— Там случилась своя история, “своя игра”, что называется. Как мне кажется, было сразу такое решение: не давать Гран-при своим, а вручить иностранцам. Меня это даже не очень огорчило, скорее удивило. Я сама неоднократно была в жюри, на Венецианском фестивале, на разных других — везде есть какая-то своя политика, какое-то давление. Но здесь это было совершенно открыто, никак не вуалировалось. У Михалкова есть явная амбиция — сделать свой фестиваль, который выйдет в первые ряды, и я понимаю ход его страстей. И я его даже жалею, я его прощаю. Помните, он был где-то в Канне или в Венеции, где не получил приз. Тогда он вел себя как обиженный маленький мальчик, даже чуть не плакал. Как это так, дали какому-то Тарантино, какому-то мерзкому криминальщику, и не дали мне! И он так этим возмущался, он даже этого не скрывал. Наоборот, он чересчур это педалировал, как какой-то

маленький избалованный принц, которого лишили сладкого... И он был в этом настолько искренен, что мне опять-таки его было жалко, я думала: “Боже, ну дайте же ему эту конфету, раз она ему так нужна!”

— В “Чеховских мотивах” венчание снято в режиме реального времени. Как вы решились на такой смелый шаг — это ведь очень тяжело как для режиссера, так и для зрителя?

— Мне просто очень захотелось. Мне очень нравится служба венчания, нравится пение, нравятся церковные тексты. Особенно венчальные. Возникло такое желание — службу не сокращать. Но это одновременно создало массу трудностей. Потому что “хочу”, “люблю”, “нравится” — одно, но я недостаточно сильна в этом, я все время зависела от консультанта, от массы каких-то вещей. “Вот здесь нужно так, а здесь нельзя переставить, а здесь нельзя сократить”, — я слышала постоянно. Но одновременно со службой, которую ведут священники, у меня в фильме идет драматическое действие. А как раз с этой стороной я привыкла обращаться свободно: сокращать, переставлять, перемонтировать. Но поскольку действие было прилеплено к службе, возникала масса трудностей. Снимать нам в церкви разрешили, но разрешили верхние чины, а мы-то снимали в конкретной церкви, где свои хозяева. И мы их все время раздражали, это естественно. Буквально со своим уставом в чужой монастырь пришли, да еще привели массу 180 человек. А это разные люди, по-разному себя ведущие. Не так садящиеся, не так говорящие. Было очень трудно и все время как-то боязно, что вот сейчас мы что-нибудь настолько нарушим, что нам скажут: “Идите отсюда, вам разрешил владыка, а мы не хотим”. Это была самая изнурительная съемка в моей жизни.

— А чем вы занимаетесь сейчас?

— Сейчас происходит попытка написания сценария, у нас есть даже приблизительный первый вариант. Он еще несовершенен, и поэтому у меня нет полной уверенности, что он состоится. Мне хочется сделать легкий, не остросюжетный фильм о мошенниках, о мошенничестве. Чтобы это мошенничество было как бы совершенно безобидным.

— Вы сами пишете сценарий?

— Я участвую в его написании. А вообще пишет его Сергей Чертков. Мы давно выступаем с ним как соавторы. Нас было трое авторов: Голубенко, я и Чертков в фильме “Второстепенные люди”. Он же был там актером (играл доктора). И он же был основным автором моей короткометражки “Письмо в Америку”.

— На “Дебошире” вы в первый раз?

— Да, но я очень люблю такие фестивали. Они показывают много такого, что я люблю смотреть. Здесь нет больших парадных фильмов. Я не люблю большое кино. Оно наводит на меня скуку.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, знаете, обычно на больших фестивалях это фильмы конкурсные, грандиозные, большие, величественные. Мне они не интересны совершенно. Когда приезжаешь на большой фестиваль, ты соблазняешься, тебе интересно становится, возникает такой соблазн посмотреть, а что у них там в конкурсе, а что в этом году сняли такое. Ты все время находишься как бы в принужденном состоянии от этого соблазна. А лучше б ты этого вообще не смотрел. Но ты идешь туда, потому что тобой движет любопытство. Ты являешься пленником этого любопытства, и это нехорошо, ты не получаешь в результате того удовольствия, которое мог бы получить. Ты соблазняешься чем-то, что тебе в результате не нужно. Мне не понравилась ни “Кукушка”, ни “Война” — ну, в “Войне” мне понравилась только первая половина.

— А вы сами не считаете, что снимаете “большое кино”?

— Нет, я маргинал.

На концерте в день закрытия “Дебошир-фильма” выступала группа “Колибри”. Кира Георгиевна подошла к сцене и простояла там до тех пор, пока выступление не закончилось. Как знать, может, “Колибри” займет место ее нынешних любимцев “Масок-шоу”, которые пока переходят из картины в картину?

Константин ЗАЙЦЕВ.